

Владимир Дэс

Проданное ничто

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Проданное ничто (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816172

Аннотация

В данный сборник вошли рассказы:

1. Проданное ничто
2. Рука короля
3. Богатый опыт
4. Восстание Спартака
5. Зарождение разума
6. Как я не мог
7. Лифт
8. Мерседес
9. Меценаты – люди особенные
10. Мир идиотов
11. Мистификатор
12. Младостарец
13. Муки издателя
14. Письмо
15. Один день
16. Пролетая мимо
17. Справедливости желаю
18. Судьба писателя
19. Счастливые дни

20. Тараканы

21. Тело моё – мною любимое

22. Уход

Содержание

Проданное ничто	6
Рука короля	20
Богатый опыт	24
Восстание Спартака	31
Зарождение разума	34
Как я не мог понять	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Дэс

Проданное ничто (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Проданное ничто

Впервые я встретился с Дьяволом вскоре после своего рождения.

Очевидно, он уже тогда заметил появление на белый свет моей порочной души.

В церкви, когда меня крестили, я так орал и крутился в руках моих крестных, что чуть не упал мимо святой купели.

Не хотел Он, наверное, отдавать мою душу под сень Господней десницы.

Рос я трусливым и подловатым.

Впрочем, это меня не особо беспокоило.

Жить я старался для себя, ибо любовь к самому себе почитал высшей из людских добродетелей.

Ближнего тоже надо любить, но, конечно, не больше себя самого, и с этой точки зрения сатанинские принципы жизни нравились мне куда больше, чем всеобщая любовь Всевышнего ко всем и всему.

Между мной и Дьяволом давно уже протянулась невидимая ниточка общения.

Я никогда не позволял себе плевать через левое плечо, памятуя, что он именно там, у меня за спиной, слева.

Иногда я обращался к нему за небольшими услугами, и он оказывал мне эти услуги, не требуя взамен практически

ничего, а если и просил, то так, ерунду всякую, например: предать кого-то из друзей или соврать о чем-то.

В общем, сущие пустяки, мне это ничего не стоило.

Так вот шел год за годом, и мне исполнилось двадцать девять.

Я к этому времени женился, у меня уже сыну исполнилось пять годиков; таким же, кстати, негодяем рос, как и я.

Жена – дура круглая, ничего в этой жизни не понимала, но поскольку надо же было с кем-то жить, постольку я и жил с нею, не обращая на нее особого внимания.

Мать умерла года три назад, а теперь от рака загибался в онкологии папаша. Все никак не мог умереть. А чтобы его квартира не стояла зря пустая, я ее втихаря сдал под офис одним дельцам. Но папаша уперся и никак не давал ключи.

«Пока я жив!..» – кричал, а чего, спрашивается, кричать? Сейчас жив, через час не жив...

Единственная отрада – работа... да еще любовница, пожалуй.

Любовница замужняя – я ведь не дурак, мне одинокие бабы даром не нужны. Муж у моей – сущий лопух: стирает, гладит, за детьми ухаживает.

Такие, как моя, просто клад: и на подарки не надо особенно тратиться, и обязательств никаких.

Встретились, раз-раз, и разбежались.

На восьмое марта духи подаришь, но и она мне на два-

дцать третье февраля что-нибудь не дешевле; к этому я ее сразу приучил.

Работу я нашел, наверное, не без Его помощи, в одном коммерческом банке. Так, продал кое-кого кое-кому за то, чтобы влезть в этот банк.

Влез. И потихоньку, потихоньку начал карабкаться наверх. Так за полтора года добрался до кабинета одного из замов управляющего.

И я, и Сатана прекрасно понимали, что мне надо куда больше. Ну, хотя бы весь банк, а не часть его.

Но об этом мы с Ним никак не могли договориться.

И чего только я ему не предлагал, все и вся готов был продать. Оболгать, обворовать, опозорить, обмануть, подставить хоть кого, но Он вдруг уперся – и все тут.

Мол, Он и так много мне за такие мелочи помогал, и хватит. Теперь подавай Ему что-нибудь посущественнее.

А что, спрашивается, посущественнее?

Душу мою – слишком жирно будет.

Я Ему предлагал и жены душу, и сына, безвинного негодяя, и любовницы, и папаши-доходяги – не берет.

Врет, что у него с теми душами сложности возникнут, а вот с моей никаких проблем в их тайной канцелярии не возникнет.

Я Ему тогда предложил помощь в преодолении этих проблем, но Он отказался.

Вообще-то торговаться с Сатаной – хуже нет: отец лжи так

и норовит обмануть. Но и я не лыком шит.

Спорили мы с ним, спорили, и наконец я понял, что придется и мне самому чем-то пожертвовать. Хоть и жалко, но раз уж я решился расстаться с чем-то собственным, то проворачивать это следует с наименьшими потерями.

И опять мы с Ним пошли торговаться, но уже по деталям.

Торговались, торговались и порешили, что за назначение меня управляющим банком я отдам Ему один час из моей жизни.

«Черт с Ним, – решил я. – Пусть берет, с меня не убудет».

Договорились, что этот час я выберу сам, но лишь после того, как меня назначат управляющим.

Я все рассчитал и продумал.

Пусть этот час придется на обеденный перерыв в первый день на новой должности. Закроюсь в своем новом кабинете на весь этот час, не буду ни дверь открывать, ни на звонки отвечать. Журналы, газетки читаю – час и пройдет незаметно. И ничего плохого Он мне сделать не успеет.

Но нутром я чувствовал, что Он готовит-таки мне подлость, негодяй!

Но я Его проведу. Хоть он и дьявол, хоть и хитрый, но я хитрее: не зря с Ним столько лет сотрудничал, научился кое-чему.

Он думает, что купил у меня один час моей души, а не нет: я продам Ему один час Ничего, час пустого времени, проведенного в кабинете, где мне никто ничего не сделает.

Я буду бездействовать, а от бездействия вреда не бывает.
Ха-ха, я продам я Ему голое Ничто!

То-то рожа его рогатая скривится не хуже человеческой.

После долгих споров я прикинулся, будто очень расстроен такой сделкой – продешевил, мол, но делать нечего.

Я подписал кровью Его документ и назвал ему час.

Он опешил и, точно, скривился. Но дело сделано, документ подписан, так что придется Ему следовать букве договора.

Поскрипел Он зубами, повертел хвостом и, не прощаясь, исчез.

И тут же вбегает ко мне моя перепуганная секретарша и кричит с порога:

– Управляющий... Семен Пахомыч только что скончался в своем кабинете.

Я – туда, а там уже полно народа и врачей.

Сердце у него вдруг остановилось, а ведь с виду здоровый был мужик.

Меня нашло в толпе и отвело в сторонку одно влиятельное лицо.

– Есть мнение, – говорит со скорбной миной, – назначить тебя на место покойного. Я поддерживаю. – И добавил, глядя мне в глаза: – Подойдет от меня директор одного предприятия, так ты оформи ему безвозвратный кредит на пятьсот миллионов.

Я, тоже со скорбью на лице, с готовностью подтвердил, что

оформлю такой ерундовский кредит сразу же после моего назначения.

– Вот и прекрасно, – сказала влиятельное лицо, похлопав меня по плечу. – А жаль покойного, он нас никогда не подводил.

Через неделю кабинет управляющего продезинфицировали, и я въехал в него вместе с настольными портретами родителей, жены и сына. Пусть люди думают, что я хоть кого-то люблю в этом мире.

Я прошелся по кабинету. Пооткрывал дверки пустых встроенных шкафов. Понажимал кнопки селектора, проверил связь – все работало.

Ладно.

Я решил до окончания проданного Дьяволу часа ничего не делать и ничего не подписывать.

Выпил чаю.

Позвонил своим бабам.

Вначале жене, напомнил ей, что она дура. Она согласилась, но почему-то заплакала.

Потом любовнице – ей напомнил, что я теперь шишка покруче, чем был, пусть подумает, чем меня теперь будет удерживать. Такие мужики, как я, на улице не валяются, а таких, как она, с идиотами мужьями – пруд пруди.

Она обозвала меня сволочью и почему-то тоже заплакала.

Ладно пусть поплачут, меньше кое-чего другого сделают.

Заодно вызвал секретаршу покойного, ветхую его подру-гу, и напомнил, что пора бы ей покинуть мое учреждение, а то, не дай бог, еще помрет, как ее дружок, здесь, в моей приемной, и придется опять все хлоркой посыпать, а я эту хлорку на дух не переношу.

Она покачалась немного и ушла, шаркая и рыдая.

Вот так.

Вроде, все.

До обеда еще оставалось два часа.

Позвонить, что ли, отцу, помочь предстать пред Создате-лем.

Позвонил.

Не соединили, на облучении, говорят.

Ладно, пусть облучают.

Облучай, не облучай, а квартира-то все равно моя будет.

Из приемной слышался какой-то шум.

Я выглянул.

Оказалось, уводят под белы руки старую секретаршу.

На ее место тут же села моя, вся в прыщах перекиси. Созревает девочка, и пусть созревает, от меня не уйдет. Сказал я ей, лупоглазой, чтобы не соединяла ни с кем и предупредила охрану, чтобы не пускали никого ко мне с улицы.

Все дела – после обеда.

Попросил принести газет, кофейничек и коньячок.

До проданного времени оставалось полчаса.

Постоял у окна, тонированного, зеркального.

Внизу людишки, как букашки.

Суетятся, козявки, бегают, лапками перебирают. Маленькие они какие-то, плюгавенькие, а я вон какой в зеркальном стекле – высокий, сильный, правда с лысинкой, но это ничего, это даже украшает меня, намекает на недюжинный интеллект – лоб от лысины кажется выше и мощнее. А раз лоб большой, значит, ума палата.

Смерил я свой лоб пальцами впечатляет.

С таким-то лбом я скоро и без Дьявола обойдусь.

«Бамм!» – ударили часы. Я даже вздрогнул.

Все – наступило дьявольское время.

Осторожно, на цыпочках подошел я к своему креслу и тихо сел в него.

Замер.

Ничего.

Потекли минуты.

Я взял газету, начал читать.

Через минуту заглянула секретарша, сказала, что звонят из больницы, от отца.

«Ага, – обрадовался я, – похоже, каюк папаше».

По такому случаю трубку грех не взять.

А там папа.

Он бодрым голосом сообщил мне, что у него сегодня вдруг пропали все метастазы и его выписывают.

Я онемел.

А папаша все смеялся, все говорил и говорил о том, как он сейчас выпишется, да как приедет к себе в квартиру и что там будет делать...

Я бросил трубку.

Что же теперь делать? Я ведь уже плату за пять лет вперед взял и пустил эти деньги в оборот.

Теперь их не вытацишь. А люди – те, что дали деньги, – их попросят, причем очень быстро и настоятельно.

Как бы мне самому вместо папашы не отправиться к Создателю.

Посмотрел на часы.

Прошло пять минут.

Руки задрожали.

Тело задергалось.

«Та-ак, – сказал я себе. – Спокойно. Больше никаких звонков».

На всякий случай выгнал свою долгоногую из приемной и запер за ней дверь. Чтобы не вздумала сдуру соединить еще с кем-нибудь, у кого случилось что-то хорошее.

Уходя, она сообщила, что мне почтой пришла кассета, еще вчера, на старое место, но она забыла ее передать. На бандероли было написано «Лично в руки», и она не стала ее вскрывать.

На столе у нее лежала эта самая кассета.

Я ее взял. И прямо в пустой приемной от нечего делать вставил ее в видеомаягнитофон и включил телевизор.

Там какой-то идиот развлекался в постели с двумя негр-тянками.

Пригляделся – да это же я в парижском номере во время заграникомандировки!

Я нашел обертку бандероли и узнал почерк моей жены-дуры.

И запустил в телевизор подвернувшимся под руку кофейником. Тот врезался в угол чертова видеоаппарата и взорвался, как бомба, разукрасив приемную кофейным цветом.

Тут в дверь стала ломиться охрана.

Пока я, суесться, доставал кассету, дверь выломали.

Я выцарапал-таки кассету и нырнул к себе в кабинет, оставив охранников и секретаршу в изумленном остолбенении.

Кассету я тут же разломал, а пленку порвал на клочья и разметал по кабинету.

И тут же позвонил своей любительнице похабных картинок.

Жена вначале слушала молча, а затем наговорила мне такого, что я сам замолчал и молчал очень долго.

Перед внутренним взором замаячил СПИД.

«Врет», – подумал я, впрочем, без особой уверенности.

И решил: позвоню-ка я любовнице, как-никак она врач, и что-то такое у нее бы у первой обнаружили.

Позвонил.

Она меня выслушала и, похоже, грохнулась в обморок: с того конца линии донеслись панические вопли.

У меня закружилась голова.

От сатанинского часа прошло тридцать две минуты.

Надо было ехать.

Ехать домой к идиотке-жене, в больницу к любовнице, на квартиру к отцу, но я ждал, когда закончится проданный час.

Час Ничего.

Хорошенькое Ничего!

Налил я себе полстакана коньяку и выпил залпом.

Коньяк оказался таким крепким, что я чуть не подавился и от кашля загнулся в пол. При этом лбом треснулся об ручку кресла и рассадил лоб до крови.

Но я молчал. Не кричал. Понимал, что, если позову на помощь, может произойти что-то совсем ужасное.

Обложив лоб бумажными салфетками, я рухнул в свое новое кресло.

Но тут же подпрыгнул от какого-то шороха.

Оказалось, я сел на мною же брошенную газету.

Схватил ее, хотел разорвать, но в глаза бросился заголовок, который я почему-то раньше не заметил: «Умер управляющий – умирает банк».

А ниже – маленькое сообщение, что нашему банку приостановили действие центробанковой лицензии.

– Что-о?! – воскликнул я, не веря глазам.

Тут в щель заглянула секретарша и выпалила:

– К вам ваш сын. – Увидела мою окривевшую рожу, ойкнула и исчезла.

– Сын? – машинально переспросил я и машинально же глянул на часы.

Они стояли. Стрелки застыли за пять минут до конца проданного времени.

– Стоп, – сказал Бесу Всевышний. – Ребенка оставь в покое – нет у тебя права на его душу. И без того ты много натворил в свой час.

– Ха-ха мой Бог! Да я же ничего не делал, Господи. Он сам своим бездействием создал все это. А я всего лишь наблюдал со стороны. Как, оказывается, просто уничтожить твое создание. Надо всего лишь сказать, что я, Сатана, рядом, и человек сам начинает себя гробить. Глупец. Сидит и ждет. И этим себя уничтожает. Так что, Боже, если не будем губить младшего, то я забираю этого банкира, а то он за пять оставшихся минут такого натворит, чего даже мне, Дьяволу, не придумать.

Господь посмотрел на своего некогда лучшего Ангела, ныне подобострастно виляющего перед ним хвостом, на застывшего полоумного человека с проданной душой и махнул дланью:

– Забирай! Мне он не нужен.

– Сын? – переспросил я.

– Да, сын прежнего управляющего.

– Чего ему надо?

– Не знаю.

Оттолкнув ее, в кабинет ворвался парень.

Я как увидел его, так и понял: это конец, он пришел меня убить. Наверное, Сатана ему шепнул, ради кого и чего умер его папаша.

Я не стал ждать мордобоя. С детства боюсь физической боли.

И тут же решил: «В окно...» Разбежавшись, выбил импортное тонированное стекло вместе с пластмассовой рамой.

И в этот момент пробили часы.

Все...

А этот сын бросился за мной к окну с какой-то бумажкой, крича вслед мне, уже вылетающему с седьмого этажа: «Подпишите денежную помощь на поминки по отцу!»

«Какому отцу? – еще успел я подумать. – Какую помощь? Как же так?

Он же пришел меня убивать».

Бам-м... об дорогу, по которой ходят люди-букашки.

И тут же:

– Привет, приятель, а вот и я. – Дьявол стоял над моим бездыханным телом. – Что, обманул? – Он тряхнул мою отлетевшую душу. – Ну, полетели.

Я трепыхнулся с надеждой: раз полетели, так, может быть, не к нему в Преисподнюю.

Но Дьявол, подхватив мою душу, оторвал ее от толпы, уже собравшейся над распластанным мной, бывшим человеком,

сделал крут, и вмиг свет над моей душой замкнулся.

Ужас и тоска охватили всего меня, буквально выворачивая наизнанку.

– Боже мой, какая мука!

– Причем вечная, – утешил мой бывший приятель, подливая кипяток в котел, где я оказался с моим бывшим начальником.

Тот, увидев меня, протянул к моей шее свои синие руки.

– Господи! – вспомнил я о Всевышнем. – Спаси!

– Поздно, дорогой, – ответил мне Дьявол и больно ударил кочергой по шее. – Раньше надо было о Боге вспоминать.

От удара я поневоле нырнул в бурлящую жижу. Хлебнул кипятка и заплакал.

Бедный я, бедный. Жалко-то как себя! И на кой черт сдался мне этот Дьявол! Сиди вот теперь в кипятке и жди, когда тебя жарить начнут.

Тут что-то булькнуло.

– А-а-а!!! – завопил я.

Это мне свежего кипяточка подлили.

Рука короля

«Только бы не споткнуться, только бы не споткнуться», – билась в голове, вместе с учащенным пульсом, одна-единственная мысль.

Я бежал, нет, летел, как мне казалось, над ковровым паркетом королевского дворца, боясь ступить как-нибудь не так и ужасаясь от мысли, что могу споткнуться.

Меня сегодня допустили до Руки Короля!

Я смогу ее поцеловать!

Прижать свои губы к руке божественного существа, повелевающего в нашей стране всем живым и неживым.

Какая честь!

Какая радость!

Какое счастье!

Король сидел на троне, сверкающем алмазами, в самом конце зала, и я, обмирая сердцем, с каждым шагом приближался к заветной мечте каждого смертного.

Рука Короля лежала на золотом подлокотнике его высокого трона и слегка подрагивала.

Я приближался... Сколько раз я проделывал этот путь – от дверей к трону – в своих мечтах!

Сколько раз я упражнялся в пустой комнате, степенно нагибаясь над перчаткой, лежащей на краешке полированного

стола.

Сколько сладостных моментов я пережил в предчувствии этого волшебного дня – один Бог знает!

И вот сейчас это свершится.

Господи, помоги!

Король разговаривал, полуобернувшись, с кем-то из вельмож, имевших высокую честь стоять за тронем, и, казалось, не замечал меня, допущенного сегодня до его руки.

Но это ничего не значило.

Важно было поцеловать Королевскую Руку. Если Король позволит, это будет означать, что я допущен.

Осенен королевской милостью.

А милость Короля не знает границ.

И вот я уже у самого трона.

Вот уже у самой Королевской Руки. Дрожа всем телом, я склонился в верноподданническом поклоне. Потекло время.

Король все разговаривал.

Меня бросило в жар.

Король не обращал никакого внимания на меня, на «ничто», стоящее на полусогнутых ногах у его трона.

Вокруг зашептались.

И в ту минуту, когда в мою сторону уже двинулись его стражники, Король глянул на меня мельком, чуть-чуть, и отвернулся, но при этом шевельнул мне мизинцем.

И все! Этого достаточно.

Я упал на колени и приник осторожно, трепетно и нежно к Королевской Руке.

Рука была белая-белая, с нежными, едва заметными сосудами.

Ногти – отполированы до зеркального блеска.

Перстни блестели и переливались, как сказочные сокровища.

Я приблизил лицо к чуду королевской плоти и, задохнувшись, зажмурившись, коснулся этой божественной кожи своими пересохшими губами.

Чуть-чуть, на одну-две секунды.

Как она пахла! Свежестью, чистотой!

Я с поцелуем вдохнул этот аромат и, почти теряя сознание, отодвинулся от моего счастья бережно и осторожно.

Мизинец Короля продолжал шевелиться, он как бы и не заметил моего поцелуя.

Пусть.

Зато все вокруг видели, что я был допущен. Что я целовал Королевскую Руку!

Поцелуй был!

Я встал. Поклонился и осторожно попятился к дверям, не отводя затуманенного слезами взора от Королевской Руки.

Потом медленно повернулся и, счастливый, вышел из зала.

За дверями ко мне бросились эти... недопущенные.

«Как, да что, да какая она, Королевская Рука?»

Я степенно окинул их, нетерпеливо ждущих, брезгливым взглядом и сказал громко, чтобы все слышали:

– Прочь!

Прочь с дороги, мелкие людишки. Или вы ослепли и не видите на моих устах печать божественной руки Короля?

Я – допущенный!

БОГАТЫЙ ОПЫТ

Однажды я решил стать писателем.

Слышал, что наибольшим успехом пользуются детективы.

Решил написать детектив.

Придумал сногсшибательный сюжет.

Муж с женой решили ограбить банк.

С этой целью они создали фирму по изготовлению банковских сейфов. В один из сейфов, заказанных филиалом швейцарского банка в Москве, они тайно замуровались. С запасом продуктов, конечно. В банке во время «Ч» они замуровались и вынесли через подземный ход все содержимое сейфа – около двух миллиардов долларов. Упаковав похищенное в два чемодана, они, веселые и счастливые, поехали отдыхать на Канары.

Все это я облачил в конандойлевскую оболочку и отослал в редакцию известного литературного журнала «Живой классик».

Через месяц я получил ответ от редактора журнала товарища Веревкина.

Он писал, что детектив, написанный мной, на первый взгляд даже весьма занимателен. А особенно – идея с отдыхом на Канарах. Единственное, что надо выдерживать в детективе, – это чтобы читатель верил всему, что пишет писатель-детективщик. В моем же произведении не описано, ка-

кие продукты грабители взяли с собой в сейф, а это, оказывается, очень-очень важно. Поэтому товарищ Веревкин посоветовал мне более тщательно подходить к описанию питания моих героев и пожелал дальнейших творческих успехов.

Получив такой ответ, я понял, что писателя-детективщика из меня не получится – слишком плохо знаю кулинарное искусство.

Решил заняться фантастикой, думая, что это беспроигрышное дело. Каждый из людей хоть раз смотрел на небо и видел звезды, галактики, планеты.

Итак, космический корабль мчится к спиральной галактике, – это было начало моего фантастического шедевра, – экипаж из тридцати человек находится в длительной спячке, кораблем управляет электронный мозг. Когда корабль уже подлетал к спиральной галактике, его неожиданно захватили представители иного разума. Но они, как ни старались, не смогли разбудить ни одного члена экипажа. Те слишком крепко спали. А электронный мозг наотрез отказался входить в контакт с инопланетянами. Захватчики посоветовались и решили дождаться, когда земляне проснутся, чтобы выпытать у них, где находится Солнечная система. Они расселись по креслам и стали ждать. Но они не знали «теории относительности», открытой нашим великим землянином Эйнштейном и поэтому не заметили, что время для них потекло в тысячи раз быстрее, чем для спокойно спящих

землян. В результате они быстро состарились и умерли. Как только скончался последний из них, весь экипаж поднялся. Оказывается, все уже давно проснулись и только притворялись спящими, понимая, что в этом спасение. Все от радости пели и плясали, а электронный мозг довольно урчал. Путешествие к тайнам вселенной продолжалось.

Я добавил в текст азимовской конкретности и опять послал его в редакцию журнала «Живой классик».

Через месяц я получил ответ от товарища Веревкина.

Он писал, что фантастика – вещь в литературе тонкая. И подходить к написанию фантастических произведений надо тонко. Хотя сцена сна у меня, несомненно, удалась, особенно хорош анализ «теории относительности», как, впрочем, и сцены песен и национальных плясок экипажа. Но электронный мозг как-то не совсем хорошо выглядел: отказался от контакта. Да и вообще, как он мог урчать, он же не кошка. А в целом идея неплохая. Но надо работать и работать. В заключение товарищ Веревкин пожелал мне дальнейших фантастических успехов.

– Понятно, – почесал я затылок, прочитав ответ редактора. – Бог с ней, фантастикой. Напишу что-нито историческое.

Взял учебник истории за четвертый класс, прочитал про татаро-монгольское иго. На основе этого первоисточника набросал сюжет: русский князь, по прозвищу Красное Пе-

рышко, временно проживавший в украинском Киеве, решил получить у хана Батые ярык на строительство города на Москве-реке. Батый поставил ему условие: взять в жены пятнадцать своих дочерей – цариц монгольских. Красное Перышко отказался и рассердился. А рассердившись собрал войско на Куликовом поле и пошел походом на монголов. Дошел до самой Монголии и там прибил щит к воротам Улан-Батора.

Снабдил произведение пикулевской элегантностью и опять послал в журнал «Живой классик».

Как всегда, мне ответил товарищ Веревкин.

Ему очень понравилась идея с пятнадцатью дочерьми Батые. По его мнению, эту линию надо было развить и усилить. А вот насчет щита, он, конечно, не историк, но еще из школьной программы помнит, что щит прибил князь Ясное Зернышко на ворота города Казани. А в целом сюжет выдержан правильно, хотя ему кажется, что Киев в то время был столицей Войска Польского. И, пожелав мне дальнейших творческих успехов, печатать меня в журнале отказался.

С историческим романом тоже не получилось.

Однако я человек внимательный и запомнил, что редактор писал в одной из рецензий о девушках, и поэтому тут же решил: мой роман – роман о любви. Любви страстной, жгучей и, конечно, трагической.

В моем гениальном романе Она любила Его. А Он любил

балерину из местного театра оперы и балета. Балерина же любила суфлера Василия, который был родным братом той, которая любила Его. Она, узнав от брата Василия, что его любит та, которую любит ее любимый, попросила Василия дать ложную подсказку балерине во время исполнения танца маленьких лебедей. Василий пообещал своей сестре выполнить ее просьбу, но решил не выполнять, так как сам он совсем не любил влюбчивую балерину, а любил полногрудую белокурую кассиршу, которая была сестрой того, кого любила его сестра. Василий рассказал своей возлюбленной о том, что он собирается сделать во время своей ответственной работы. Но так как кассирша совсем не любила Василия, а любила брата обреченной балерины, то она пошла в МУР и сдала властям Василия. Его арестовали. Балерина от горя отравилась. Брат кассирши повесился. Та, которая любила его, утопилась. Брат балерины, узнав, что его сестра погибла, умер от разрыва сердца. А кассирша, услышав, что у ее любимого не выдержало сердце, вскрыла кассу и сбежала в Америку.

Редактор долго не отвечал.

Наконец пришло письмо, которое пришлось изучать кропотливо и вдумчиво.

Смысл рецензии сводился к следующему. Товарищ Веревкин согласен, что каждый нормальный человек, узнав о смерти любимого, вскрыет кассу и сбежит. Вот только бежать надо не в Америку, а в Швейцарию. И сумму определить по-

яснее, а то непонятно, сколько же кассирша утащила. Читатель, ведь, очень любопытное животное. А животных надо уважать. И потом, что это за смерти? Какие-то банальные. Смерти должны быть современные, такие, как попадание в огромную мясорубку или растерзание тел доисторическими динозаврами. Ну, на худой конец, удушение самого себя собственными руками. Так что мне снова пожелали успехов.

Да, тяжела писательская доля! Вот и в любви не повезло.

Нет, надо писать о чем-то веселом. Веселое все любят. Смех – он любых редакторов растопит. Значит, сажусь писать что-то такое легкое, веселое, сатирико-юмористическое в духе Зощенко и О’Генри.

«В одно раннее утро Петр Петрович Огурцов облысел». – Так начиналась моя сатирико-юмористическая повесть. – «Лысым везде у нас дорога».

И облысел не просто на затылке, а полностью. Голова его стала, как бильярдный шар.

Петр Петрович никогда не носил головных уборов, и в то утро никак не мог решиться выйти из дома лысым. В результате он впервые в жизни опоздал на работу.

На улице лысина Огурцова блестела, как лакированная коленка. Все вокруг смеялись, а люди послабее корчились от смеха в судорогах.

Его появление на работе вообще можно было приравнять к стихийному бедствию. Все учреждение прекратило работу,

и сотрудники толпились в коридорах и комнатах на подходе к рабочему месту Огурцова. А начальник Петра Петровича, смеясь, неожиданно назначил его своим заместителем. Это было смеха. Ха-ха!

Веревкин, очевидно, насмеявшись вдоволь, прислал рецензию:

«Конечно, все это очень смешно. Но смех смеху рознь. Есть даже поговорка: «Смех без причины – признак дурачины». Я, конечно, не имею в виду Вас, уважаемый писатель. Но, как говорят в народе, в каждой шутке есть доля правды. А правда – штука не совсем смешная. И потом время сейчас не очень смешное. Смеяться-то может только сумасшедший. Мне вот, например, не до смеха – зарплату не платят уже целый год. Тут и полысеешь, и окосеешь. Кстати, товарищ писатель, я тоже лысый. Поэтому пишите лучше не о лысых, а о волосатых. Они, как нам, лысым, кажется, тоже смешные.

Почитал я это и вздохнул:

– Фу, устал...

Тяжелый труд писателя и бестолковый. Пишешь, пишешь, а тебя не понимают. Может, мне лучше редактором стать? Опыт у меня уже есть. Пойду к Веревкину, попрошусь завитом в «Живой классик».

Восстание Спартака

(Как я первый раз не поехал за границу)

В период брежневского застоя на наше учреждение, где я работал, пришла разнарядка – одна семейная путевка в Венгрию, на двоих. По какой-то случайности выбор пал на меня, наверное, потому, что у нас к этому времени с женой было двое детей и теща жила с нами. А это означало, что если мы с женой уедем за границу, то, во-первых, есть на кого оставить детей и, во-вторых мы с женой обязательно вернемся в Союз к оставленным на тещу детям. Залог был ликвидным, как сейчас сказали бы банкиры. Пройдя все партийные собрания, мы с женой оказались в «святая святых» – на комиссии в райкоме партии, где ставилась окончательная точка – пустить нас с женой за границу или нет.

На комиссии был допрос по всем строгостям социалистического времени. Мы с женой, имея оба высшие образования, не стоящие нигде на учете, не имеющие татуировок и вредных привычек, ответили на все каверзные вопросы.

Жена ушла, а я замешкался, рассыпаясь в благодарностях членам комиссии.

И тут напоследок был задан мне один коварный вопрос одним древним партийцем: «Скажите, пожалуйста, что вы знаете о восстании Спартака?»

Этот вопрос настолько был простым, что я вначале хотел сразу ответить. Тем более что имел историческое образование. И я знал, что восстание Спартака было в 73–71 годах до нашей эры. Но, посмотрев на ветхого партийца, засомневался, нет ли тут подвоха. Этот вопрос настолько был неожиданным и неуместным для поездки в Венгрию, что я стал лихорадочно соображать.

Во-первых: какое отношение Спартак имеет к Венгрии?

Во-вторых: какое отношение этот ветхий партиец имеет к Спартаку, может, он его потомок? «Думай, думай, – лихорадочно внушал я себе. – Венгры с Урала.

Спартак – фракиец из Италии. Что тут общего?»

Пока я лихорадочно соображал, лица членов комиссии стали выражать явное презрение к человеку, который едет в Венгрию и не знает что-то там о Спартаке. «Боже, – подумал я, – какое же я ничтожество, имея высшее историческое образование, я даже не знаю, как венгры связаны со Спартаком, но как-то они связаны, раз мне задали такой вопрос. Не идиоты же они!»

И пока я так молча думал, древний партиец очнулся и, постукивая клюшкой об райкомовский паркет, провозгласил: «Не знает молодой человек, не знает. А значит, нечего ему и делать в Венгрии!» И не успел я возразить, что я все знаю, он поднял свою карающую руку: «Я против поездки данного товарища в Венгрию!» И вся комиссия тут же согласилась с ним.

Дома все было очень плохо: жена рыдала, что из-за меня она теперь не купит себе венгерский парик. Теща укоряла, что надо было лучше учиться в институте, а не шляться неизвестно где. Тогда бы я знал, как венгры победили Спартака.

Одни дети были довольны.

Они целыми днями играли в гладиаторов.

Один гладиатор был Спартаком, а второй – папой.

Но и гладиатором «папа» никак не мог победить Спартака.

Зарождение разума

Одни считают, будто человек произошел от обезьяны и разумным стал благодаря упорному труду.

Другие – что человека слепили из глины, и разумным он стал, когда в него вдохнули душу.

Я так думаю, что обе стороны заблуждаются, поскольку твердо уверен, что разумным человек сделался благодаря алкоголю. И не спешите принимать меня за идиота.

Если вы наберетесь немного терпения и спокойно, вдумчиво выслушаете историю, свидетелем и активным участником которой я являюсь по сей день, то ваше отрицательное отношение к моей теории наверняка резко поменяется.

Начало этому сенсационному явлению положил Новый год, а вернее, его празднование на протяжении нескольких дней. Когда я уже опух от выпитого шампанского и перешел на чай, ко мне вдруг, ближе к вечеру, заявился друг. Был он отнюдь не в праздничном настроении, поскольку из-за каких-то пустяков поссорился с женой, разругался с тещей, дал пинка сыну и, как итог, ушел из дома, хлопнув дверью, но прихватив с собой бутылку водки.

Ее-то он и выставил на стол. Мне пришлось достать закуску. Он разлил нам на двоих, в две рюмки. А я не то что пить, смотреть на спиртное и то не мог. Но когда я робко попытался отказаться, друг посмотрел мне в глаза таким взглядом,

что я тут же молча чокнулся своей рюмкой об его. И пока он, запрокинув голову, вливал свою рюмку себе в рот, я свою вылил в кадучку фикуса, что стоял рядом со столом.

Фикусу этому было уже много лет, достался он мне от покойной мамы. И таким вот манером – он себе в рот, я в кадку к фикусу, он себе в рот, я в кадку к фикусу – мы прикончили бутылку. Под конец нашего мальчишника он расцеловал меня, назвал лучшим другом и, сообщив мне по секрету, что только со мной чувствует себя человеком, двинулся к себе домой.

Он ушел, а я, включив весь свет, который был у меня в кухне, взялся осматривать фикус. Ничего страшного с ним не произошло. Поковырял пальцем землю в кадке. Земля как земля. Понюхал палец – водкой пахнет. Поморщился я от этого противного запаха и пошел спать.

Наутро фикус заболел: листья его повисли, зелень поблекла и даже ствол как бы прогнулся.

«Ну вот, – подумал я. – Сгубил растение».

А вечером ко мне опять пришел друг, но уже с женой, сыном и тещей. Он опять принес бутылку водки и с порога приказал жене и теще внимательно разглядывать меня, воскликнув: «Смотрите, вот он!» Наверное, для того, чтобы я не смог незаметно сбежать из собственного дома, пока он достает закуску из моего холодильника.

– Все смотрите – он мой лучший друг!

Жена и теща, подчиняясь приказу, тоскливо взирали на

мою испуганную физиономию, а сын, демонстративно игнорируя указания любимого папы, из – за мамкиной спины показывал мне кулак. Хорошо хоть, не нож.

Разлили в рюмки. Жена и теща демонстративно отвернулись, а сын, устав запугивать меня мордобоем, начал усердно отковыривать вилкой обои от стен.

Друг опрокидывал в себя рюмку за рюмкой. Я же, выбирая моменты, опять опрокидывал свои рюмки в кадку фикуса, думая при этом: «Все равно завтра его выкину».

Когда счастливое семейство наконец покинуло меня, и я, закрыв за ними дверь, вернулся в комнату, то обомлел: фикус нельзя было узнать. Передо мной предстало красивое, стройное, помолодевшее растение. Листья поднялись вверх и весело колыхались в такт музыке из приемника. Ствол выпрямился. Фикус прямо сиял и лоснился.

Вот это дела!

Я хоть и не ботаник, но быстро понял, что тут к чему и от чего это домашнее растение так веселится – ведь я в него сегодня рюмок пять водки опрокинул.

Подивился я на это дело и решил пока фикус не выкидывать.

А на следующий день, придя с работы, опять обомлел: вместо сильного и красивого фикуса из кадки торчало что – то вроде сморщенного репейника.

– Похмелье, – поставил я точный диагноз.

И тут во мне проснулся азарт исследователя. Достал я

из заначки бутылку спирта, налил пол-стакана и медленно, осторожно вылил в кадку.

Через несколько минут началось волшебное превращение жалкого уroda в подлинный шедевр фитодизайна.

И с этого момента начались дела очень даже интересные.

Я, повторяю, не ботаник, но думаю, что все наши Мичурины, окажись они на моем месте, просто затрепетали бы от счастья и с криком «Эврика!» помчались бы выбивать себе фонды на спирт. А ученым спирт давать нельзя – он ведь, по их теориям, разрушает мозги. А как, имея в эксперименте спирт, удержаться и не выпить? Так все ботаники могут остаться без мозгов. Хотя насчет мозгов у наших ботаников надо еще крепко подумать: может, их мозги уже давно фонды на спирт осваивают?

Поразмыслив так, я решил мичуриным ничего пока не сообщать, а исследования вести самостоятельно. Запасся спиртом и, угощая им фикус, повел ежедневные научные наблюдения.

А он прямо на глазах стал прогрессировать и быстро усвоил, что такое спирт и для чего он нужен организму.

После двух рюмок фикус веселел, и когда я включал музыку, хлопал своими длинными листьями, в такт музыке, как мы ладонями. Один раз он так развеселился, что чуть не выпрыгнул из кадки; ладно, я в последнюю минуту успел поймать новоявленного танцора.

Со временем я заметил: как переберет он рюмочку, так

давай тянуть свои пьяные лапы, то есть ветки, к маленькой пальмочке, что растет у меня на подоконнике в жестяной банке из-под сельди. Пришлось ее убрать в спальню от греха подальше – она еще совсем малышка. Я уж и стыдил его всячески, говорю: «Куда лезешь, старый пень? Соображай, сколько ей, а сколько тебе»: При этом он как бы смущался, поджимал листья, притихал.

Но не всегда он бывал таким смирным. Оказывается, и в нем бушевали страсти. Я как – та раз решил подшутить: вместо спирта подлил ему в кадку самой обыкновенной воды. И тут же получил от него такую оплеуху, что с ног слетел. Я извинился, конечно, и больше таких жестоких экспериментов не проводил. Стыдно как-то стало. Вроде, и человек я добрый, а вот гляди-ка: толкнуло что-то на издевательство над ближним. Это ведь додуматься надо – полить фикус водой, а не водкой! Наверное, в глубокой древности, какой-то мой пращур был самым жестоким инквизитором на всем белом свете. Гены – дело темное: никогда не знаешь, кто и когда в тебе проснется.

Так текли дни.

Я подливал – фикус танцевал.

Раз я оставил на столе, под фикусом, бутылку с рюмкой и в соседней комнате долго разговаривал по телефону. Вдруг слышу шум. Прервал разговор. Захожу в кухню, и что же я вижу?!

Фикус, обхватив ветками и листьями бутылку с водкой,

сам наливает в рюмку и, обхватив рюмку другими листочками, выливает водку себе в кадку.

Я ему, конечно, разъяснил, что один и втихаря у нас пьет только самый последний кактус, то есть человек. И как оказалось, объяснил себе же на горе: с тех пор он категорически отказался принимать алкоголь без собутыльника.

Опасаясь за судьбу эксперимента, пришлось мне пить с ним за компанию. Теперь я выставлял на столик под фикусом, к бутылке с водкой или со спиртом, уже не одну, а две рюмки – для него и для себя. А он, как заправский хозяин, гордо разливал – и себе, и мне. Причем себе всегда хоть чуть-чуть, но побольше.

Я научил его разливать правильно.

Затем научил его играть в шахматы. Пододвинув к нему пианино, научил играть «польку-бабочку».

Скоро мы с ним напишем диссертацию о новой теории возникновения семьи, частной собственности и государства.

Кстати, нам не совсем нравится этот вывод – $E=mc^2$, так что после диссертации займемся ревизией наследия Эйнштейна.

Вам это кажется невероятным? Приходите – побеседуем. В любое время.

Адрес у меня простой: улица Ульянова, дом 41, третий корпус; как войдете – сразу налево.

А вахтеру, если остановит, так прямо и скажите, что идете, мол, ко мне и к Фикусу. Он пропустит.

Как я не мог понять

Как я ни старался, никак не мог понять, для чего мне платят зарплату.

Они, деньги, вдруг мне стали не нужны.

Не то чтобы совсем, а просто мне не на что стало тратить-ся. С меня их перестали брать. Хоть плачь.

И это несчастье началось с тех пор, как я был выдвинут в руководящие работники городского масштаба, когда моя подпись стала решающей, а мое появление на совещаниях – украшением президиумов. Так началась странная жизнь.

Во-первых, пропала необходимость брать у Нюры, моей жены, деньги на проезд: меня стали возить на работу, с работы и по городу на черной «Волге», причем бесплатно. Да и Нюру иногда катали.

Продукты и одежда там, куда за ними ездил мой шофер, неожиданно катастрофически подешевели, а некоторые вообще лишились цен.

Даже еженедельная помывка, в смысле баня, перестала влиять на бюджет. Плохо ли, хорошо ли, раньше – с билетом, мылом, веником, пивом и килькой – все это обходилось ежемесячно в сумму.

А сейчас возили в такие бани, о каких я раньше даже не слышал.

Правда, читал о них еще в школьные годы, когда прохо-

дили по учебникам паразитическую жизнь патрициев Древнего Рима. И там и тут ковры на полу – нога тонет, массаж, бассейны с теплой, холодной и хвойной водой. Попить – боржоми, пиво немецкое, коньяк французский.

И все за так, за одно мое присутствие.

Но здесь жена моя Нюра, несмотря на бесплатность помывок, проявила непонимание моего положения и даже пообещала устроить мне еще одну баню, но уже дома, если еще раз помоюсь женскими духами и явлюсь под утро.

Хорошо тут мне дали бесплатную дачу, и мир был восстановлен.

А на даче – вода, свет, газ, питание.

А однажды приходит ко мне один знакомый начальник и говорит:

– Не хотите ли почти даром приобрести машину?

Я спросил:

– За сколько?

Он ответил.

Я как услышал, так чуть со смеху не умер: я внуку игрушечные автомобили покупал дороже. Отсмеялся, но купил. Продавали старенькую, а купил почему-то новенькую.

Потом заплатил рубль с чем-то за машину строительного мусора, и мне построили двухэтажный гараж с подземным баром.

А обеды? Раньше в местной столовой поешь чего-то условно съедобного и на выходе обязательно платишь даже

за это.

А сейчас обеды, на которые меня возят, не только отличаются от прошлых, как навозная куча от юбилейного торта, но они еще и совершенно бесплатные. Когда на первых порах пытался заплатить, мне удивленно отвечали:

– За что платить?.. За это? – Я конфузился и с ужасом представлял, какими же должны быть обеды, за которые эти люди будут брать деньги у таких, как я.

Много еще удивительного появилось в этой новой моей жизни.

Например, посещение зрелищ.

Раньше, бывало, принесет профорг билеты, вычтет из зарплаты и идешь, чтобы деньги зря не пропали. А места такие, что ничего с них не видно и не слышно. В буфет не попасть, в туалет без противогаса не войдешь. Домой после добираться пешком, потому что транспорт забит или едет мимо.

А теперь получаешь бесплатное приглашение или контрамарку. Места – самые лучшие, огороженные от остального народа небольшим заборчиком. Отдельный буфет, чистый туалет.

Единственное, что на первых порах омрачало культурный рост, так это то, что сам раньше называл отгороженные места «загонами» или «свинарниками». Но Ньюра, когда я высказал ей эти мои сомнения, ответила:

– Глупости. Пусть в «свинарнике», зато с большими свиньями, то есть людьми.

На этом я и успокоился. Тут, кстати, оказалось, что мне положена дополнительная жилая площадь, на несколько десятков метров больше, чем всем остальным.

И дали. В доме улучшенной местности и планировки. Три лоджии, два балкона, семь комнат, два туалета и две кухни.

Нюра, правда, первое время все меня пытала, для чего нам две кухни, уж не задумал ли я привести еще одну жену? Но я в этой второй кухне устроил кладовку для картошки – она и успокоилась.

А уходишь в отпуск – тебе еще три оклада на дорогу и два на лечение.

Я вначале хотел отказаться: зачем на лечение? Я человек здоровый. Но мне сказали: «Так надо».

И вообще мне иногда начинало казаться, что я вдруг стал жить при коммунизме.

Правда, когда я высказываю вслух эти мысли жене Нюре, она почему-то отвечает мне грубо и путано:

– Да, Петя! Хоть и стал ты начальником, но как был дураком, так им и остался, вот поэтому тебе и кажется, что живешь при коммунизме. А при коммунизме-то могут жить лишь коммунисты. А коммунист не может быть дураком. Это только дурак может быть коммунистом. Соображать надо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.